

Пространство немонетарных неравенств в российском обществе: состояние и последствия кризиса 2020 г.

Светлана Владимировна Мареева

НИУ ВШЭ, Институт социологии ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия, e-mail: smareeva@hse.ru

Цитирование: Мареева С.В. (2021). Пространство немонетарных неравенств в российском обществе: состояние и последствия кризиса 2020 г. // *Terra Economicus* 19(4): 77–91. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-4-77-91

В статье на данных общероссийских репрезентативных исследований ФНИСЦ РАН 2018–2020 гг. рассматриваются особенности системы немонетарных неравенств в современном российском обществе и произошедшие в ней изменения под влиянием кризиса, вызванного первой волной пандемии. Показано, что ключевые оси немонетарных неравенств, формирующие социальное пространство, характеризуются высокой степенью концентрации – наличие экономической «подушки безопасности», благоприятных условий занятости, хорошего уровня здоровья и образования, субъективного благополучия свойственно лишь меньшинству населения. По всем этим осям сам характер неравенства определяется качественными отличиями немногочисленной «верхушки» от остальных массовых слоев. Иными словами, положение в системе координат немонетарных неравенств в большей степени дифференцирует наиболее, а не наименее благополучные слои населения по сравнению с остальными россиянами. Иначе выглядит ситуация с цифровым неравенством в его базовом понимании – сегодня уже не наличие соответствующих возможностей сконцентрировано в верхних слоях общества, а их отсутствие отличает нижние слои. Что касается неравенства в сфере занятости, то дифференциация среди работающего населения связана, прежде всего, со степенью ущемления базовых прав и отчуждения труда, т.е. с депривированностью, в то время как наличие дополнительных благ характеризуется высокой доступностью только для меньшинства. Последний кризис по-разному повлиял на те или иные немонетарные неравенства, однако эти изменения не сильно сказались на общей конфигурации социального пространства. Полученные результаты подтвердили, что неравенство в массовых слоях населения в современном российском обществе связано далеко не только с различиями в уровне текущих доходов. И хотя положение индивидов в системе монетарных и немонетарных неравенств зачастую не совпадает, немонетарные неравенства накладываются на монетарные и усугубляют, а не сглаживают их.

Ключевые слова: социальное неравенство; немонетарные неравенства; неравенство доходов; субъективное благосостояние; последствия пандемии

Благодарность: Исследование выполнено по гранту РНФ № 17-78-20125-П

Non-monetary inequalities in modern Russia: Specifics and dynamics under the crisis of 2020

Svetlana V. Mareeva

HSE University; Institute of Sociology, FCTAS RAS, Moscow, Russia

e-mail: smareeva@hse.ru

Citation: Mareeva S.V. (2021). Non-monetary inequalities in modern Russia: Specifics and dynamics under the crisis of 2020. *Terra Economicus* **19**(4): 77–91. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-4-77-91

Based on data from the all-Russian representative studies carried out by FCTAS RAS in 2018–2020, the system of non-monetary inequalities in modern Russian society and the changes that have occurred under the influence of the crisis caused by the first wave of the pandemic are analyzed. The key axes of non-monetary inequalities show a high degree of concentration: “safety cushion”, favorable employment conditions, good health and education, subjective well-being are typical for only a minority of the population. Along all these axes, the very nature of inequality is determined by the qualitative differences between the small-sized “top” and the rest of the mass strata. The position in the system of non-monetary inequalities to a greater extent differentiates the most high-income strata from other Russians, rather than the low-income. The availability of digital opportunities is no longer concentrated in the upper strata, but their absence characterizes the lower strata. The differentiation of the working population occurs by the degree of infringement of basic rights and alienation of labor, i.e. by deprivation, while the additional benefits are available only for a minority of working Russians. The last crisis impacted differently on non-monetary inequalities, but the changes did not affect the general configuration of social space. Research findings have confirmed that inequality in the mass strata of the Russian population is associated not only with differences in the level of current income. Non-monetary inequalities are superimposed on monetary inequalities and exacerbate them rather than smooth them out.

Keywords: social inequality; non-monetary inequalities; income inequality; subjective well-being; consequences of the pandemic

Acknowledgements: The article is prepared thanks to assistance by Russian Science Foundation Grant No. 17-78-20125

JEL codes: I31

Пространство немонетарных неравенств: основания анализа

Одним из ключевых вызовов современного этапа развития выступает неравенство, задача сокращения которого входит как в глобальную повестку (например, в Цели устойчивого развития ООН), так и в повестки отдельных стран. Во второй половине XX в. проблема неравенства скорее не воспринималась как острая и, более того, предполагалось, что ее значимость будет снижаться под влиянием модернизации и экономического роста. XXI в. показал ошибочность таких представлений (Grusky, 2018; Savage, Li, 2021). Все чаще отмечается, что неравенство как в экономической сфере, так и в других сферах не только сохранилось, но и в ряде случаев усилилось; появились и новые типы неравенств. Смещение фокуса с экономического роста на устойчивое развитие в еще большей степени актуализировало проблему неравенства: если первая задача может быть решена в условиях высокого неравенства, то вторая – уже нет.

В последние полтора десятилетия неравенство выступает одной из ключевых тем для обсуждений, исследований и оценок, что выразилось, в том числе, в выходе целого ряда посвящен-

ных этой проблеме крупных работ известных экономистов (Stiglitz, 2012; Piketty, 2013; Deaton, 2013; Atkinson, 2015; Milanovic, 2016 и др.). Однако экономисты преимущественно говорят о денежных, монетарных неравенствах, в то время как общая система неравенств гораздо шире. В социологической традиции фокус направлен, в первую очередь, на классовые и неклассовые основания неравенства, а монетарное неравенство выступает уже их следствием. Однако неравенство – сложное и многомерное явление, и его проявления не ограничены разным уровнем дохода. Не менее, а, возможно, и более важное влияние на повседневную жизнь населения могут иметь немонетарные неравенства в разных сферах жизни (Sen, 1980), причем их роль в современном мире все возрастает, наряду с ростом значимости нематериальных активов не только в экономической сфере, но и в других его сферах (Grusky, 2001).

Безусловно актуальна постановка вопроса о конфигурации системы немонетарных неравенств и для нынешнего этапа развития России. Социально-экономическая нестабильность российского общества резко возросла весной 2020 г. Кризис, последовавший за пандемией, не только снизил реальные доходы россиян, но и усложнил ситуацию на рынке труда, сократил возможности поддержания привычного уровня и образа жизни, актуализировал неравенство, связанное со сферой здоровья, усилил ощущение неопределенности (Тихонова, 2021а; Каравай, 2021; Плаксин и др., 2021). Все эти изменения напрямую связаны с немонетарными неравенствами.

В данной статье мы попробуем оценить общую конфигурацию немонетарных неравенств в жизни россиян накануне последнего кризиса, а также произошедшие изменения после первой волны пандемии, отталкиваясь от соотношения немонетарных неравенств с доходным неравенством. Эмпирической базой для анализа выступают данные общероссийских репрезентативных исследований ФНИСЦ РАН последних лет, в частности исследования, проведенного осенью 2020 г. ($n = 2000$), а также в 2018 г. ($n = 4000$). Модель выборки в этих двух исследованиях была одинаковой: в рамках каждого территориально-экономического района задавались квоты по типам поселений, полу, возрасту и социально-профессиональной принадлежности, рассчитанные согласно данным официальной статистики.

Систематизация немонетарных неравенств – отдельная сложная задача. Нужно оговориться, что в данном случае мы не рассматриваем разные типы неравенств в качестве оснований для социальной стратификации, не оцениваем их классовый или неклассовый, аскриптивный или неаскриптивный характер. Ключевым интересом для нас представляют те проявления неравенства, которые задают «социальные координаты» пространства повседневности для массовых групп населения, определяют их интегральное положение в обществе, их устойчивость и возможности.

В качестве отправной точки нашего анализа мы опирались на подходы и результаты предшествующих исследований – в частности, на работы коллектива авторов, рассматривавших немонетарные экономические неравенства (Овчарова и др., 2014), результаты научной группы под руководством Н.Е. Тихоновой, исследовавшей систему жизненных шансов и рисков, также представляющую собой, по сути, пространство немонетарных неравенств (Тихонова, 2018; Аникин, 2018; Мареева, 2019), а также работы других ключевых исследователей проблемы неравенства в современной России как многомерного феномена (Шкаратаи, 2009; Авраимова, Малева, 2014). Мы также обратились к опыту международных исследований благосостояния. В частности, в докладе Комиссии по основным показателям экономической деятельности и социального прогресса (известном как доклад Стиглица – Сена – Фитусси), подготовленном в 2009 г., обоснован подход к анализу благосостояния как многогранного явления. Это означает рассмотрение одновременно нескольких его аспектов, которые и представляют собой выбранные в данном случае ключевые измерения неравенства, включающие здоровье, образование, качество работы и досуга, политическое участие и пр. (Stiglitz et al., 2009).

Мы выделяем следующие ключевые сферы немонетарных неравенств, каждую из которых и рассмотрим далее:

- экономические условия жизни;
- условия занятости;
- доступ к информационным технологиям;
- человеческий капитал и возможности его накопления (неравенства в сферах образования и здравоохранения);

- социальный капитал (в его трактовке через те возможности, которые дают имеющиеся социальные контакты);
- субъективное благополучие (возможность контроля своей жизни, планирования и сохранения баланса жизни и работы и пр.).

Для анализа общего пространства немонетарных неравенств необходима «точка отсчета». В данном случае мы будем рассматривать немонетарные проявления неравенств в срезе их соотношения с доходным неравенством. Для этого мы обратимся к разбивке населения по квинтильным группам, выделенным по уровню текущих доходов. Границы квинтилей мы задаем отдельно для разных типов поселений (т.е. с учетом их специфики по уровню доходов). Хорошо известно, что распределение доходов в России характеризуется высоким региональным и поселенческим неравенством, поэтому такой подход позволяет учесть тот факт, что в разных типах поселений один и тот же уровень дохода может означать различное положение в общей доходной иерархии. В приложении мы приводим медианные значения подушевого ежемесячного дохода в выделенных группах, а также индивидуального ежемесячного дохода, который мы используем при анализе неравенства на рынке труда.

Неравенство в накопленном экономическом капитале

Первый тип неравенства, к анализу которого мы обратимся – это неравенство в экономическом капитале. Мы используем это понятие достаточно условно, подразумевая под ним экономические ресурсы, которые могут обеспечить «подушку безопасности» и приносить ренты, повышающие текущие доходы. Проблему концентрации богатства в руках верхних 1–5%, которая безусловно актуальна и для России (Novokmet et al., 2018) и с которой обычно ассоциируется понятие экономического капитала, мы в данном случае оставляем за скобками, поскольку эти группы недоступны для массовых опросов. Это же относится и к другим аспектам неравенства, о которых мы будем говорить ниже – мы рассматриваем их в отношении дифференциации массовых слоев населения.

Сегодня исследователи все чаще подчеркивают необходимость учета «богатства» при анализе неравенства наряду с доходами. Накопленное богатство определяет долгосрочные, передающиеся в следующее поколение возможности. При учете богатства конфигурация неравенства может заметно измениться – так, в отношении западных стран речь все чаще идет о неустойчивом и неблагоприятном положении среднего класса, представители которого, не имея достаточного накопленного богатства, оказываются совсем не в срединном положении в общей иерархии, несмотря на соответствующий уровень текущих доходов (Chauvel, 2021).

Для оценки данного аспекта неравенства мы используем два доступных из эмпирических исследований показателя, отражающих экономический капитал – наличие сбережений значимого объема и наличие доходов от собственности и имущества среди основных источников дохода. Классификация неравенства в экономическом капитале как монетарного или немонетарного в данном случае не совсем однозначна. Более корректным было бы обращение только к немонетарным его измерениям (наличию рентопринносящих активов в собственности), но, поскольку речь идет про массовые слои населения, которые в большинстве своем такими активами не обладают, мы также используем показатель сбережений, который носит монетарный характер. Однако в данном случае мы трактуем его как прокси наличия «подушки безопасности».

Ситуация накануне кризиса и в 2020 г. в срезе доходных групп, выделенных относительно подушевых доходов домохозяйств по типу поселения, представлена в табл. 1.

Итак, в отношении неравенства в экономическом капитале можно констатировать нарастание различий по мере перехода от менее обеспеченных к более обеспеченным доходным группам. Однако различия между всеми пятью квинтилями не являются качественными – видно, что для представителей и наиболее, и наименее благополучных с точки зрения текущих доходов групп наличие экономического капитала в сколь-либо значимом объеме не является характерным. Даже среди верхнего квинтиля крупные сбережения и доходы от собственности и имущества встречаются лишь у каждого десятого домохозяйства.

Таблица 1

Характеристики экономического неравенства, 2018–2020 гг., %

Сбережения и доходы от собственности	Квintили, выделенные относительно подушевых доходов домохозяйства по типам поселений					Граница «нормы» (наличие более чем у 50% группы)
	Первый (нижние 20% по доходам)	Второй	Третий	Четвертый	Пятый (верхние 20% по доходам)	
Сбережения, достаточные, чтобы жить на них более года						
2018	2,4	4,3	8,4	9,0	13,5	Выше 95%
2020	2,7	3,6	5,2	4,4	12,5	Выше 95%
Доходы от собственности и имущества						
2018	1,8	1,6	3,2	4,1	5,8	Выше 95%
2020	1,5	1,8	1,8	5,4	11,6	Выше 95%
Справочно: сбережения любого объема						
2018	19,5	26,0	32,7	35,1	41,7	Выше 95%
2020	17,3	22,5	28,3	27,9	40,2	Выше 95%

Источник: составлено автором.

Другими словами, это означает, что та граница, где наличие экономического капитала становится нормой для группы, проходит выше, чем на уровне «отсечки» верхних 20% населения по доходам. То есть в качественно ином по сравнению с остальными россиянами положении в этом отношении находится лишь очень небольшая доля благополучного населения. Эмпирический анализ показывает, что граница группы, в которой уже более половины имеют значимые сбережения и получают доходы от собственности, оказывается даже выше 95% границы распределения подушевых домохозяйственных доходов по типу поселения (более дробное деление с учетом объема выборки представляется уже нецелесообразным).

Несколько слов нужно сказать о наличии собственного жилья, так как этот показатель зачастую применяется в западных исследованиях при оценке богатства, а отсутствие собственного жилья и невозможность его приобрести трактуется как признак относительного обеднения и неустойчивости среднего класса. Однако в российском обществе ситуация с жильем выглядит противоположным образом – подавляющее большинство домохозяйств во всех доходных квинтилях имеют в собственности квартиру или дом (88,7% в 2018 г., от 84,8% в первом квинтиле до 90,7% в пятом). Неравенство в этом отношении проявляется в качестве жилья, но не в его наличии как таковом. В силу процессов приватизации, способствовавших широкому распространению собственности на свое жилье, использование его как критерия экономического богатства в условиях России представляется спорным – тем более, оно не используется в качестве рентопринносящего актива и обычно не выступает инвестицией (в отличие, например, от второго жилья, которым, по данным 2018 г., владели только 4,1% россиян).

Если же посмотреть на динамику используемых нами показателей за период кризиса, то доля имеющих сбережения любого объема сократилась с 30,5% в 2018 г. до 27,7% в 2020 г., доля имеющих крупные сбережения – с 7,5 до 6,1%. Доля же получающих ренты на свой экономический капитал, наоборот, несколько возросла – с 3,2 до 4,4%. Однако эта динамика по-разному проявилась в различных доходных группах, влияя и на общую конфигурацию данного среза неравенства. Так, доля крупных сбережений наиболее резко сократилась у представителей третьего и четвертого квинтилей, которые часто рассматриваются в литературе как средний и верхний средний класс в его экономическом понимании. Хотя во всех квинтилях около 15% представителей отметили, что в связи с кризисом им пришлось потратить большую часть сбережений семьи, для «середины» доходного распределения компенсация проседания текущих доходов за счет накоплений оказалась выше – видимо, в силу наличия таких накоплений и специфики расходов, необходимых для поддержания привычного уровня и качества жизни по сравнению с нижними группами и недостаточности для этих целей текущих доходов по сравнению с верхним квинтилем.

Аналогичным образом, снижение доли получающих доходы от собственности также в наибольшей степени коснулось россиян из третьего и четвертого квинтиля. Представители пятого квинти-

ля, наоборот, по всей видимости, активизировали использование имеющихся у них экономических ресурсов – доля получающих доходы от них возросла в верхнем квинтиле в два раза. Если говорить об общей конфигурации неравенства в этом отношении, то при сохранении высокой концентрации сколь-либо значимых экономических ресурсов в руках немногочисленной верхней группы, в массовых слоях населения под влиянием кризиса произошло ухудшение положения групп в средней части распределения – они стали ближе к нижним группам, в то время как положение представителей верхнего квинтиля стало еще более контрастным по отношению ко всем остальным.

Таким образом, конфигурация неравенства в накопленных экономических ресурсах такого объема, что они могут вносить значимый вклад в доходы и уровень жизни домохозяйства и выступать «подушкой безопасности», характеризуется постепенным нарастанием в массовых слоях населения по мере роста их доходов, и резким скачком к высокой концентрации в верхней части верхнего квинтиля. Кризис, вызванный первой волной пандемии, способствовал сглаживанию неравенства среди 4/5 населения за счет опережающего ухудшения положения представителей «середины» по сравнению с остальными.

Неравенство в специфике занятости

Еще одно ключевое измерение немонетарного неравенства связано со спецификой занятости. Текущие доходы формируются преимущественно на рынке труда, поэтому особенности положения на нем индивидов закладывают конфигурацию монетарного неравенства, которая затем корректируется за счет состава домохозяйства, специфики расходов (в том числе наличия среди них неэластичных) и т.п. Однако неравенство в положении на рынке труда связано далеко не только с величиной текущих доходов. Особенности занятости определяют устойчивость этих доходов, возможность влияния на форму и содержание своего труда и получения дополнительных благ, не связанных с доходами, характеризуются наличием или отсутствием карьерных стратегий, позволяющих осуществлять планирование своей жизни хотя бы в среднесрочном периоде и т.п. (Erikson, Goldthorpe, 1992; Chan, Goldthorpe, 2007).

Посмотрим, насколько неравномерно распределены в российском обществе среди работающих россиян разные характеристики занятости и как эта ситуация изменилась под влиянием последнего кризиса (табл. 2). Обратим внимание, что в данном случае мы опираемся на распределение индивидуальных, а не домохозяйственных доходов.

Таблица 2
Характеристики неравенства в условиях занятости, 2018–2020 гг., % от работающих

Специфика занятости	Квинтили, выделенные относительно индивидуальных доходов по типам поселений					Граница «нормы» (наличие более чем у 50% группы)
	Первый (нижние 20% по доходам)	Второй	Третий	Четвертый	Пятый (верхние 20% по доходам)	
Соблюдение базовых прав (белая зарплата, официальное оформление, оплата отпуска и больничных)						
2018	38,0	42,2	48,4	53,6	56,6	55%
2020	33,7	40,7	45,7	49,4	55,9	65%
Наличие ресурса влияния на работе (возможность принимать решения в масштабах как минимум своего подразделения)						
2018	32,8	23,4	32,7	40,4	58,4	75%
2020	14,6	21,1	27,8	36,5	54,0	90%
Дополнительные социальные блага от работодателя						
2018	3,3	3,6	1,8	4,5	8,4	Более 95%
2020	2,2	11,3	8,9	10,1	19,0	Более 95%

Источник: составлено автором.

Первое, что нужно отметить в отношении неравенства в особенностях занятости, исходя из полученных данных – то, что массовые слои населения дифференцирует, в первую очередь, степень нарушения базовых трудовых прав, а не предоставление дополнительных социальных благ, что

свойственно лишь малочисленной верхушке. Отметим, однако, что данные показывают рост распространённости дополнительных социальных благ от работодателя (с 4,6% среди работающих в 2018 г. до 12,0% в 2020 г.). Можно предположить, что в результате пандемии произошло расширение предоставления благ, связанных с необходимостью организации дистанционной работы (связь, обеспечение рабочего места и доступ к необходимым программам), а также с соблюдением норм безопасности при продолжении работы в недистанционном режиме (контроль состояния здоровья, обеспечение средств защиты и пр.). Это расширение в большей степени коснулось более благополучных представителей населения, приводя к усилению соответствующего аспекта неравенства.

Видно, что граница нормы для соблюдения трех базовых трудовых прав проходит примерно на уровне двух третей доходного распределения – т.е. работа в рамках российского трудового законодательства становится нормой в группе, объединяющей треть населения с наиболее высокими индивидуальными доходами. В 2018 г. эта граница проходила ниже, отделяя чуть менее половины населения. При этом общее снижение доли работников, для которых выполняются базовые права, было не столь значительным – с 49,9 до 47,5%, но оно сопровождалось перераспределением – наиболее заметное сокращение коснулось нижнего квинтиля, а в наименьшей степени изменилась ситуация верхнего квинтиля. Таким образом, под влиянием кризиса неравенство в массовых слоях населения по степени социальной защищенности на рабочем месте усилилось.

Аналогичные тенденции можно отметить и в отношении неравенства по наличию ресурса влияния на работе, который косвенно отражает и устойчивость занимаемой позиции, и степень отчуждения труда. В целом по населению показатель наличия ресурса влияния сократился с 40,9 до 36,4%, но за этим сокращением также скрыты изменения в конфигурации неравенства. Как видно из данных, наличие ресурса влияния в 2020 г. являлось нормой только для верхних 10% населения по доходам, хотя еще два года назад эта норма была характерна для более многочисленной группы россиян (так, уже среди верхней четверти населения по доходам более половины имели такой ресурс). При этом наличие ресурса влияния достаточно сильно дифференцирует между собой массовые слои населения, и после кризиса 2020 г. эта дифференциация стала проявляться даже сильнее, чем по соблюдению базовых трудовых прав. Это произошло за счет того, что ресурс влияния на работе резко сократился у наименее благополучной по доходам группы; в остальных группах снижение также наблюдалось, но было менее значимым. Если трактовать отсутствие возможности принимать хотя бы какие-то решения в отношении своей работы как признак отчуждения труда, то большинство представителей массовых слоев населения дифференцируются по степени этого отчуждения, в то время как его отсутствие начинает становиться нормой только в верхней части доходного распределения.

Таким образом, показатели, отражающие различные стороны ситуации в сфере занятости, демонстрируют и разные аспекты соответствующего немонетарного неравенства – если в отношении дополнительных благ оно отражается в очень высокой концентрации их только в руках малочисленной верхушки, то в отношении базовых прав и властного ресурса на рабочем месте положение массовых слоев достаточно сильно дифференцировано между собой, и под влиянием последнего кризиса это немонетарное проявление неравенства усилилось за счет опережающего ухудшения ситуации у представителей групп с более низкими доходами.

Неравенство в доступе к цифровым технологиям

Еще одно важное немонетарное неравенство – цифровое. С одной стороны, в исследованиях оно рассматривается как основание для других неравенств – экономических, социальных, образовательных (Van Dijk, 2006), с другой – является и проявлением особенностей занимаемой интегральной позиции в обществе, определяя различия в образе и стиле жизни. Конфигурация этого неравенства отражает депривированное положение нижних 40% населения по доходам по сравнению с остальными. Ежедневное использование не просто компьютера, но и интернета (63,8%) выступает сегодня нормой для россиян, к границе нормы приближается ежедневное обращение к социальным сетям (48,2%), и отсутствие этих практик в повседневности может трактоваться как лишение.

К сожалению, оценить влияние событий 2018–2020 гг. на конфигурацию этого неравенства не позволяет инструментарий тех исследований, на которые мы в данном случае опираемся. Однако полностью сопоставимый вопрос есть в более раннем исследовании 2014 г., к которому мы и обратимся¹ (табл. 3).

¹ Исследование было проведено в феврале 2014 г. по той же модели выборки, что и исследования 2018 и 2020 гг. (n = 1600).

Таблица 3

**Характеристики немонетарного неравенства в доступе
к информационным технологиям, 2014–2020 гг., %**

Использование интернета и социальных сетей	Квинтили, выделенные относительно доходов домохозяйства по типам поселений					Граница «нормы» (наличие более чем у 50% группы)
	Первый (нижние 20% по доходам)	Вто- рой	Третий	Четвер- тый	Пятый (верхние 20% по доходам)	
Ежедневное использование интернета						
2014	32,8	36,1	39,3	38,2	46,5	95%
2020	57,3	60,2	60,3	64,1	76,5	0%
Ежедневное использование социальных сетей						
2014	14,0	13,9	16,0	14,2	17,1	-
2020	42,1	44,4	46,0	46,8	62,0	40%

Источник: составлено автором.

Видно, что в этом отношении произошли качественные сдвиги: еще в 2014 г. ежедневное использование интернета не было характерно для населения в целом (39,7% по массиву), и еще в большей степени это относилось к социальным сетям (16,1%). Граница доходов, которая отделяла группу, для представителей которой использование интернета каждый день выступало нормой, проходила на уровне 95% доходного распределения, а для ежедневного использования социальных сетей определить аналогичную границу на основании данных опроса вообще не представлялось возможным. Иными словами, постоянная вовлеченность в цифровые коммуникации дифференцировала лишь небольшую группу населения от подавляющего большинства россиян.

Как видим, к 2020 г. конфигурация этого немонетарного проявления неравенства, построенная относительно доходного неравенства, заметно изменилась. Теперь нормой является постоянная включенность в информационные технологии, и ее отсутствие выступает характеристикой неравного положения для нижних слоев населения. Таким образом, в этой сфере произошла трансформация неравенства от высокой концентрации к своего рода цифровой «бедности» – в большей степени от остального населения отличаются нижние, а не верхние слои.

Неравенство в уровне человеческого капитала и возможностях его поддержания и накопления

Значимая сфера жизни, ситуацию в которой нельзя обойти вниманием при анализе общего пространства немонетарных неравенств, связана с человеческим капиталом и возможностями его накопления. Роль этой сферы в современных обществах очень велика, поскольку человеческий потенциал выступает в них одной из ключевых компонент развития (Sen, 1999). В литературе неравенства в сфере здоровья и образования обычно рассматриваются независимо друг от друга, за некоторыми исключениями (Тихонова, 2018; Аникин, 2018). Однако нам представляется целесообразным рассматривать показатели неравенства, связанные с человеческим капиталом, в рамках единого блока. В данном случае мы говорим об уровне здоровья и образования и возможностях их поддержания и повышения.

В табл. 4 представлены характеристики этого измерения неравенства и произошедшие изменения в кризисный период 2018–2020 гг. Сначала кратко остановимся на динамике этих показателей в обществе в целом. Самооценка здоровья как хорошего незначительно снизилась в этот период – с 27,6% в 2018 г. до 25,3% в 2020 г.; положительные оценки возможности получить качественную медицинскую помощь практически не изменились (около 13%), но выросли негативные оценки этого аспекта жизни (с 33,8 до 38,3%). Более заметные различия проявились в изменении возможностей (и/или мотивации) к повышению уровня образования и квалификации: если за три года до опроса 2018 г. удалось повысить уровень человеческого капитала в этом его аспекте 16,3% россиян, то к 2020 г. эта доля упала до 11,1%. Оценка возможностей получения необходимых знаний и образования также ухудшилась, но в меньшей степени: позитивные оценки упали с 26,8 до 23,9%, а негативные возросли с 15,7 до 18,3%.

Таблица 4

Характеристики немонетарного неравенства в уровне человеческого капитала и возможностях его накопления, 2018–2020 гг., %

Уровень ЧК и возможности его поддержания	Квантили, выделенные относительно доходов домохозяйства по типам поселений					Граница «нормы» (наличие более чем у 50% группы)
	Первый (нижние 20% по доходам)	Второй	Третий	Четвертый	Пятый (верхние 20% по доходам)	
Здоровье						
Самооценка здоровья как хорошего						
2018	20,2	20,7	23,0	34,2	36,1	–
2020	20,9	22,2	25,2	24,3	32,7	–
Самооценка возможности получать качественную медицинскую помощь, в том числе платную, как хорошей						
2018	8,9	7,7	10,5	13,4	21,8	–
2020	7,8	12,4	12,2	14,7	20,8	–
Образование						
Наличие как минимум высшего образования						
2018	21,1	26,1	29,9	37,7	47,5	95%
2020	15,2	23,7	31,7	37,5	44,6	95%
Повышение уровня образования или квалификации за последние три года						
2018	13,1	11,5	15,9	17,4	21,3	–
2020	7,8	8,3	9,4	10,9	19,1	–
Самооценка возможности получения необходимого образования и знаний как хорошей						
2018	15,5	19,1	26,0	27,8	41,6	95%
2020	18,2	17,1	21,6	24,5	37,7	–

Источник: составлено автором.

В целом, можно сказать, что кризис ухудшил ситуацию с возможностями поддержания и накопления человеческого капитала, хотя эти изменения не носят качественного характера. Доступность подобных каналов – важное измерение немонетарного неравенства, причем его конфигурация в современном российском обществе такова, что высокий уровень человеческого капитала (в отношении здоровья и полученного образования) и хорошие возможности по его поддержанию и наращиванию не являются нормой и отличают более благополучные слои населения от остальных. Более того, по сравнению с другими аспектами немонетарных неравенств, которые были рассмотрены нами выше, границу, отделяющую те группы, где это становится нормой, на данных общероссийских опросов выделить невозможно, настолько высоко она проходит. В этой связи и происходящие изменения (в последние два года – ухудшение) не носят качественного характера и затрагивают небольшую группу населения. Для остальной части граждан удовлетворительное или плохое положение по этой оси неравенства остается без изменений.

Как в этих условиях изменилась конфигурация неравенства относительно доходной дифференциации? Если говорить о субъективном уровне здоровья, который позволяет нам измерить инструментарий исследования, наиболее значимое ухудшение затронуло наиболее благополучные по положению в системе доходного неравенства группы: оценки своего здоровья как хорошего заметно «просели» у представителей четвертого и пятого квантилей. Это означает снижение неравенства, но за счет «выравнивания по среднему» более привилегированных исходно групп. В отношении доступности качественной медицинской помощи, однако, аналогичных изменений не произошло. В целом же, в отношении и уровня здоровья, и возможностей его поддержания представители всех доходных квантилей характеризуются скорее средним положением, а хорошие оценки не являются нормой.

В отношении образования и квалификации ситуация схожа – хорошее положение в этой иерархии нехарактерно для населения, и даже среди представителей наиболее благополучного квантиля не выступает нормой. Дифференциация в массовых слоях населения в этом отношении идет в терминах «больше-меньше», а не качественных различий между ними. Под влиянием кризиса произошло, ви-

димо, изменение состава различных доходных групп, и доля имеющих высшее образование в нижних доходных группах снизилась. Однако на положении границы, отделяющей от остальных россиян ту группу, для которой наличие высшего образования является нормой, это не сказалось. Что касается снижения доступности повышения уровня образования и квалификации, о котором мы говорили выше, то оно коснулось представителей всех доходных квинтилей, хотя от него не пострадали наименее обеспеченные 20%. Самооценка возможности получения необходимых знаний и образования в большей степени снизилась для середины и верхушки доходного распределения. Однако интерпретировать этот индикатор нужно с осторожностью, поскольку он отражает не только объективные возможности, но и готовность их использовать, которая связана и с возможной отдачей на такого рода инвестиции, различающейся в разных группах населения, в том числе в силу внешних структурных ограничений.

В целом, говорить о качественных изменениях неравенства по уровню человеческого капитала и возможностям его накопления нельзя. Можно отметить, что некоторые изменения под влиянием пандемии имели место, но неравенство в этой области, характеризующееся концентрацией высокого уровня разных компонент человеческого капитала и возможностей для их поддержания и накопления, сохранило свою конфигурацию.

Неравенство в уровне социального капитала

Важным фактором, определяющим степень устойчивости социальной позиции, является социальный капитал – в той его трактовке, которая подразумевает возможности использования ресурса социальных сетей для решения тех или иных жизненных задач. Говоря об общей динамике оценок россиянами возможностей, которые дают им их социальные сети, нужно отметить расширение этих возможностей за период 2018–2020 гг. В этот период выросла доля тех, кто мог бы обратиться к знакомым и получить от них финансовую помощь небольшого и даже большого объема, помощь в доступе к тем или иным каналам поиска или улучшения ситуации на работе и получении образования, а также к медицинским услугам. Возможно, ситуация пандемии активизировала поиск помощи и возможностей через социальные контакты. Еще одним показателем этого выступает доля населения, для которого помощь родственников и знакомых входит в число основных источников денежных доходов – если в 2018 г. она составляла 10,0%, то в 2020 г. – 11,4%.

Все вышесказанное согласуется и с тем, что за период 2018–2020 гг. сократилась доля россиян, вообще не имеющих ресурса социальных сетей – с 50,7 до 46,2%. Можно говорить о том, что наличие хоть какого-то ресурса социальных сетей начинает выступать в российском обществе нормой. Происходит ли при этом сглаживание неравенства в возможностях социальных сетей на фоне доходного неравенства (табл. 5)?

Таблица 5

Характеристики немонетарного неравенства в уровне социального капитала, 2018–2020 гг., %

Социальный капитал	Квинтили, выделенные относительно доходов домохозяйства по типам поселений					Граница «нормы» (наличие более чем у 50% группы)
	Первый (нижние 20% по доходам)	Второй	Третий	Четвертый	Пятый (верхние 20% по доходам)	
Наличие знакомых, способных помочь в решении временных финансовых проблем						
2018	18,2	18,8	26,5	32,2	43,8	95%
2020	20,6	26,6	29,6	32,6	45,2	95%
Наличие знакомых, способных помочь с работой (устройство, карьера, приработки) или образованием (школа, ВУЗ)						
2018	24,2	16,7	26,0	28,9	32,0	–
2020	29,6	26,9	33,0	31,5	46,0	95%
Наличие знакомых, способных помочь с решением медицинских проблем (поиск врачей, больниц)						
2018	10,8	11,4	9,6	15,0	17,4	–
2020	11,9	12,7	19,2	20,2	28,5	–
Наличие знакомых, способных помочь с решением хотя бы одной жизненной проблемы						
2018	42,7	34,7	48,3	55,5	64,4	70%
2020	43,9	48,3	53,5	54,0	69,8	30%

Источник: составлено автором.

Распределение соответствующих возможностей в разных доходных группах и их динамика под влиянием последнего кризиса показывают, что неравенство в наличии ресурса социальных сетей как такового действительно скорее сглаживается. По мере все большего распространения среди населения потенциала получения тех или иных видов помощи, представители нижней части доходного распределения «подтягиваются» к середине. Об этом же говорит и сдвиг границы, после которой наличие ресурса социальных сетей становится нормой: если в 2018 г. она проходила на уровне 70% доходного распределения, то к 2020 г. снизилась до 30%. Иными словами, только в нижних 30% населения по доходу наличие хотя бы каких-то возможностей получения помощи от социальных сетей свойственно менее чем половине группы. Отметим при этом, что в силу фокуса нашего внимания на влиянии последнего кризиса мы рассматриваем динамику только за последние два года, в то время как анализ более долгосрочных тенденций показывает заметное сокращение социального ресурса за период 2010–2020 гг. (Тихонова, 2021b), так что выявленные нами улучшения в этой сфере нужно трактовать в рамках некоторого восстановления после падения.

Как и в случае с другими видами немонетарных неравенств, наиболее значимые возможности получения помощи отличаются высокой степенью концентрации. Это относится к возможности получить и финансовую помощь, и доступ к нужным врачам и больницам, к решению проблем с работой и образованием. Для всех этих видов потенциала сетей границы «нормы» проходят очень высоко. Что же касается их динамики под влиянием кризиса, то она оказывается разнонаправленной. Так, в возможностях получить от знакомых финансовую помощь неравенство несколько сократилось, поскольку эти возможности в большей степени расширились для групп, находящихся в нижней части доходного распределения. В отношении доступа к медицине нужного качества неравенство, наоборот, возросло, поскольку такого рода возможности в заметно большей мере возросли у срединной группы и групп, находящихся в системе доходного неравенства на более высоких позициях.

Неравенство в субъективном благополучии

Наконец, завершая рассмотрение общего многомерного пространства социальных немонетарных неравенств, обратимся еще к одному их измерению, которое только недавно стало привлекать к себе внимание. Можно сказать, что субъективное благополучие становится новым измерением неравенства, несводимым не только к монетарному неравенству, но даже и к положению в общей системе немонетарных неравенств (Мареева, 2019).

Возможности влиять на свою жизнь, планировать свои действия в среднесрочном и краткосрочном периодах, ожидать положительных изменений в будущем пока, как мы видим, являются прерогативой меньшинства (табл. 6).

Таблица 6
Характеристики немонетарного неравенства в субъективном благополучии, 2018–2020 г., %

Субъективное благосостояние	Квинтили, выделенные относительно доходов домохозяйства по типам поселений					Граница «нормы» (наличие более чем у 50% группы)
	Первый (нижние 20% по доходам)	Второй	Третий	Четвертый	Пятый (верхние 20% по доходам)	
Возможность планировать свою жизнь на 3–5 лет или более						
2018	10,6	11,5	14,5	16,3	24,6	–
2020	11,1	10,0	10,1	12,7	20,2	–
Самооценка возможности влиять на то, как складывается жизнь, как хорошей						
2020	8,7	9,8	13,2	18,3	26,3	–
Уверенность в благоприятном личном будущем						
2020	25,1	30,7	37,2	33,3	54,6	85%

Источник: составлено автором.

Конфигурация этого неравенства такова, что положение по этой оси дифференцирует меньшинство от остального населения. При этом кризис снизил распространенность такого рода позитивной привилегированности: так, планировали свою жизнь как минимум на 3–5 лет 15,8% в 2018 г. и 12,3% в 2020 г. Общее неравенство при этом также несколько снизилось за счет опережающего ухудшения в массовых благополучных слоях населения, но, как и в отношении других осей немонетарного неравенства, которые мы рассматривали выше, общую конфигурацию это практически не изменило. Это достаточно важный результат, свидетельствующий о том, что в сложившихся условиях беспокойство должно вызывать не только объективное положение населения, но и его субъективное восприятие действительности. Помимо проблемы социальной напряженности, оно напрямую связано и с возможностью и готовностью населения поддерживать на уровне практик направления развития страны, подразумевающие те или иные самостоятельные действия россиян – инвестиции в свой человеческий капитал, активные стратегии на рынке труда и т.п.

Обсуждение результатов

Что же по итогам нашего анализа можно сказать о конфигурации системы немонетарных неравенств в современном российском обществе? Мы видим, что практически все рассмотренные нами оси социального пространства характеризуются высокой степенью концентрации: наличие «подушки безопасности», благоприятных условий занятости, хорошего уровня здоровья и образования и возможностей их улучшения, субъективного благополучия свойственно лишь меньшинству, и во всех этих сферах неравенство определяется качественными отличиями немногочисленной «верхушки» от остальных массовых слоев населения.

Важно отслеживать и динамику немонетарных неравенств. За небольшими изменениями соответствующих показателей по населению в целом могут скрываться важные перераспределения, демонстрирующие рост или сокращение неравенства. Отметим, что тот период, который мы выбрали для анализа, характеризовался высокой турбулентностью, поэтому выявленные нами изменения могут носить ситуационный характер. Однако поскольку период турбулентности продолжается, такой анализ вносит свой вклад в понимание происходящих в российском обществе процессов и возможных перспектив. Последний кризис по-разному повлиял на распределение по тем или иным осям неравенства. В отношении экономического неравенства ухудшилось положение среднего и верхнего среднего класса, в отношении особенностей занятости ухудшилась ситуация у наименее благополучного населения, а в отношении здоровья наиболее негативная динамика оказалась характерна, наоборот, для наиболее благополучного населения (возможно, здесь сыграли роль характерные для них более высокие стандарты и запросы, поскольку речь шла, в том числе, о субъективных показателях). Однако эти изменения не сильно сказались на общей конфигурации неравенства – именно из-за того, что такие перераспределения в массовых слоях населения качественно не меняют ситуации высокой концентрации всех возможностей со знаком плюс в немногочисленной верхушке среди массовых слоев.

В этом смысле отличается ситуация неравенства в доступе к цифровым технологиям – еще несколько лет назад она также характеризовалась концентрацией возможностей этого доступа, но к настоящему моменту конфигурация этого неравенства изменилась. Теперь не наличие доступа к интернету и социальным сетям дифференцирует благополучное меньшинство населения от остальных, а, наоборот, отсутствие такого доступа отличает неблагополучные слои населения.

Что касается неравенства в ресурсах социальных сетей, то само по себе оно снизилось, и наличие того или иного ресурса становится нормой для российского общества. С другой стороны, наиболее важные для обеспечения стабильности и улучшения своего положения его виды продолжают характеризоваться высокой концентрацией.

Отдельно надо остановиться и на ситуации в сфере занятости. Результаты нашего анализа показали, что неравенство в массовых слоях населения в сфере занятости в ее немонетарных аспектах, не связанных с дифференциацией зарплат, определяется в первую очередь не наличием дополнительных благ или ресурса влияния на работе, которые также демонстрируют высокую степень концентрации, а ущемлением или соблюдением базовых прав. Иными словами, положение работающих россиян отличается не теми дополнительными возможностями, которые они получают на работе, а степенью соблюдения тех прав, которые должны соблюдаться «по умолчанию», а также степенью отчуждения.

В завершение нужно подчеркнуть, что это только первый шаг к комплексному анализу пространства немонетарных неравенств. Безусловно, можно дискутировать и о выборе сфер, и об используемых показателях для оценки ситуации в каждой из них. В частности, в нашем анализе мы оставили «за скобками» вопросы социального и политического участия или уровня безопасности. Однако мы хотели бы не только дать общую характеристику основным сферам немонетарных неравенств, но и привлечь внимание к важности анализа этой проблематики в целом. Как видно из данных, неравенство в массовых слоях населения связано далеко не только с различиями в уровне их доходов. Не меньшее, а подчас даже большее значение для повседневной жизни населения страны имеют немонетарные неравенства, проявляющиеся, в частности, в различной устойчивости положения на рынке труда и специфике занятости, уровне здоровья как фактора, ограничивающего потенциал использования трудовых адаптационных стратегий, и в возможностях поддержания здоровья. Велика роль цифрового неравенства – и как основания других социальных неравенств, и как проявления неравенств, связанных с качеством и образом жизни. Новым измерением неравенства становится возможность самостоятельно контролировать свою жизнь, добиваться поставленных целей вне «базового» их набора, связанного с микромиром (семьей, друзьями), обеспечивать себе баланс жизни и работы и пр. Немонетарные неравенства при этом накладываются на монетарные и усугубляют, а не сглаживают их, хотя положение индивидов в системе монетарных и немонетарных неравенств совпадает далеко не полностью. При этом для ключевых немонетарных неравенств (кроме цифрового неравенства) «водораздел» между группами населения, для которых тот или иной признак еще не является или уже является социальной нормой, проходит достаточно высоко, дифференцируя между собой положение представителей наиболее благополучных подгрупп массовых слоев населения. Иными словами, положение в системе координат немонетарных неравенств в большей степени отличает наиболее, а не наименее благополучные слои населения от всех остальных россиян.

Литература / References

- Авраамова Е.М., Малева Т.М. (2014). О причинах воспроизводства социально-экономического неравенства: что показывает ресурсный подход? // *Вопросы экономики* (7): 144–160. [Avraamova E., Maleva T. (2014). On the causes of socio-economic inequality reproduction: What does resources approach show? *Voprosy Ekonomiki* (7): 144–160 (in Russian)].
- Аникин В.А. (2018). Социальная стратификация по жизненным шансам: попытка операционализации для массовых опросов // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены* (4): 39–67. [Anikin V. (2018). Social stratification based on life chances: Operationalization for mass surveys. *The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes* (4): 39–67 (in Russian)].
- Каравай А.В. (2021). Действия россиян по улучшению собственного материального положения в эпоху COVID-19 // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены* (4): 121–137. [Karavay A. (2021). The behavior of Russians aimed at improving their financial situation in the era of covid-19. *The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes* (4): 121–137 (in Russian)].
- Мареева С.В. (2019). Неравенство жизненных шансов россиян в сфере баланса жизни и труда // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены* (3): 324–344. [Mareeva S. (2019). Inequality of life chances in work-life balance of Russians. *The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes* (3): 324–344 (in Russian)].
- Овчарова Л.Н., Бурдяк А.Я., Пишняк А.И., Попова Д.О., Попова Р.И., Рудберг А.М. (2014). *Динамика монетарных и немонетарных характеристик уровня жизни российских домохозяйств за годы постсоветского развития: аналитический доклад* / Рук.: Л.Н. Овчарова. М.: Фонд «Либеральная миссия». [Ovcharova L., Burdyak A., Pishnyak A., Popova D., Popova R., Rudberg A. (2014). *Dynamics of monetary and non-monetary characteristics of the standard of living of Russian households in post-Soviet period: An analytical report*. Moscow: Liberal Mission Foundation Publ. (in Russian)].
- Плаксин С.М., Жулина А.Б., Фаризова С.А. (ред.) (2021). «Черный лебедь» в белой маске. Аналитический доклад НИУ ВШЭ к годовщине пандемии COVID-19. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. [Plaksin S., Zhulina A., Farizova S. (eds.) (2021). *The “Black Swan” in a white mask*. Analytical report by the HSE University on the anniversary of the COVID-19 pandemic. Moscow: HSE Publishing House (in Russian)].

- Тихонова Н.Е. (2018). Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // *Социологические исследования* (6): 53–65. [Tikhonova N. (2018). Stratification by life chances of mass strata in modern Russian society. *Sociological Studies* (6): 53–65 (in Russian)].
- Тихонова Н.Е. (2021a). Последствия кризиса 2020 г. для различных профессиональных групп российского общества // *Социологический журнал* 27(2): 46–67. [Tikhonova N. (2021a). Consequences of the 2020 crisis for various professional groups of Russian society. *Sociological Journal* 27(2): 46–67.
- Тихонова Н.Е. (2021b). Ресурсообеспеченность массовых слоев населения страны: состояние, динамика, последствия // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены* (4) (в печати). [Tikhonova N. (2021b). Resourcefulness of the mass strata of population: State and dynamics in 2008–2020. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes* (4): 121–138 (in Russian)].
- Шкаратан О.И. и др. (2009). *Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России*. М.: ОЛМА МЕДИА ГРУПП. [Shkaratan O. et al. (2009). *Socio-Economic Inequalities in Modern Russia and its Reproduction*. Moscow: OLMA MEDIA GROUP Publ. (in Russian)].
- Atkinson A. (2015). *Inequality: What can be Done?* London: Harvard University Press.
- Chan T., Goldthorpe J. (2007). Class and status: The conceptual distinction and its empirical relevance. *American Sociological Review* 72(4): 512–532.
- Chauvel L., Bar Haim E., Hartung A., Murphy E. (2021). Rewealthization in twenty-first century Western countries: the defining trend of the socioeconomic squeeze of the middle class. *Journal of Chinese Sociology* 8(4).
- Deaton A. (2013). *The great escape*. Princeton University Press.
- Erikson R., Goldthorpe J.H. (1992.) *The constant flux: A study of class mobility in industrial societies*. Oxford: Clarendon Press.
- Grusky D. (2018). The stories about inequality that we love to tell, pp. 2–14. In: *The Inequality Reader*. Routledge.
- Grusky D. (2001). The past, present, and future of social inequality. In: D.B. Grusky (ed.) *Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective*. Boulder: Westview Press.
- Milanovic B. (2016). *Global inequality*. Harvard University Press.
- Novokmet F., Piketty T., Zucman G. (2018). From Soviets to oligarchs: Inequality and property in Russia 1905–2016. *The Journal of Economic Inequality* (16): 189–223.
- Piketty T. (2013). *Capital in the 21st Century*. Cambridge, MA.
- Savage M., Li C. (2021). Introduction to thematic series “New sociological perspectives on inequality”. *Journal of Chinese Sociology* (8).
- Sen A. (1999). *Development as Freedom*. Oxford: Oxford University Press.
- Sen A. (1980). *Equality of What? The Tanner Lecture on Human Values*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J. (2009). *Report by the commission on the measurement of economic performance and social progress*.
- Stiglitz J. (2012). *The price of inequality: How today's divided society endangers our future*. WW Norton & Company.
- Van Dijk J.A.G.M. (2006). Digital divide research, achievements and shortcomings. *Poetics* 34(4-5): 221–235.

Приложение 1

**Медианные уровни ежемесячного подушевого дохода
в выделенных квинтильных группах, ФНИСЦ РАН, 2020 г.**

Тип поселения	Квинтили, выделенные по типам поселений				
	Первый (нижние 20% по доходам)	Второй	Третий	Четвертый	Пятый (верхние 20% по доходам)
По подушевым доходам в домохозяйстве					
Мегаполисы	15000	20000	27500	37500	50000
Областные, краевые, республиканские центры	10000	15000	20000	25000	35000
Другие города	10000	12800	16000	21000	30000
ПГТ	9800	13000	15000	20000	33000
Села	7500	11000	15000	18500	30000
<i>По массиву в целом</i>	10000	13000	17500	21000	35000
По индивидуальным доходам					
Мегаполисы	20000	29000	35000	45000	75000
Областные, краевые, республиканские центры	11750	18000	25000	30000	48000
Другие города	11400	17000	22000	30000	45000
ПГТ	12000	18000	25000	30000	40000
Села	10000	15000	20000	25000	35000
<i>По массиву в целом</i>	11000	17000	22000	30000	45000